

ISSN 2409-10

№ 3-4, 201

Российский колокол

Литературный журнал

Московская городская организация
Союза писателей России

Коллектив авторов
Российский колокол №3-4 2015
Серия «Журнал «Российский колокол» 2015», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17203466
*Журнал «Российский колокол» №3-4 2015: Московская городская организация Союза писателей
России; Москва; 2015*

Аннотация

О различии между молодым и более взрослым поколениями писали еще Платон, Аристотель и другие древнегреческие философы. Но даже те, кто не знаком с их трудами, точно знают по школьной программе «Отцы и дети» Ивана Тургенева. В литературе есть множество примеров описания этой нескончаемой борьбы.

А не бессмысленна ли эта борьба? «Все новое лучше старого, даже если старое – лучше нового» – гласит народная мудрость. Просто у более молодого поколения больше времени и сил отстаивать свои права, когда у более взрослого есть статус и мудрость.

Причина конфликта банальна – новое поколение всегда приносит с собой новые идеалы. Помните Владимира Маяковского – «Сбросим Пушкина с корабля современности», или не такой далекий пример с рок-музыкой. Рождаются и вырастают дети и несут в мир свою идеологию.

Молодым писателям также нелегко «вклинуться» в литературный мир, ведь его создало предыдущее поколение. Оно обязательно захочет видеть в неофитах свое «отражение». И вот уже новоявленный поэт или прозаик, как бы талантлив он ни был, идет грустный и подавленный с приема у мэтра.

Конечно, история знает исключения, и их немало. Вот только большинству приходится «выгрызть» себе дорогу в литературный мир, прорубать ее, подобно принцу из «Спящей красавицы» заросли диких растений на пути к замку принцессы.

И это хорошо. Потому что в этой борьбе закаляется характер, а произведения насыщаются зрелой истиной. Ведь и предыдущее, «взрослое» поколение в свое время действовало так же.

На страницах нашего журнала вы найдете представителей разных писательских поколений. Вы увидите, что талант всегда найдет дорогу.

Приятного чтения!

Содержание

Слово редактора	5
Современная поэзия	7
Виктор Пеленягрэ	8
Как упоительны в России вечера	8
Женщина у зеркала	9
Белый танец	9
Задолго до зимы	9
Дым и пепел	10
Изабелла	10
В непогоду	11
Запоздалый аргумент	11
Клятвы	11
Как поздно	12
Словеса	12
На ущербе	13
Сонет,	13
Железная дорога	14
Ars Amandi	15
Раскаянье	15
Свадьба	15
Обладание	16
Я тебя разлюблю и забуду	16
Глаголы	16
Позови меня тихо по имени	17
Дивные дивы	17
Экая жалость...	18
Я вышла из Пикадилли	19
Правда	19
Накануне	20
Девочка	21
На запад	21
Подруга	22
Памятник	22
Сила искусства	23
Навыи чары	23
В грозу	23
Из Микеланджело	24
Нужда	24
Thanatopsis[1]	24
Сонет	25
Сорок лет	26
В ожидании варваров	26
Шарманка	27
Почти в альбом	27
Современная проза	28
Саша Кругосветов	28

Марта	30
Ольга Дмитриева	40
Крепкое поколение	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Журнал «Российский колокол» № 3–4 2015

Слово редактора

О разнице между поколениями

О различии между молодым и более взрослым поколениями писали еще Платон, Аристотель и другие древнегреческие философы. Но даже те, кто не знаком с их трудами, точно знают по школьной программе «Отцы и дети» Ивана Тургенева. В литературе есть множество примеров описания этой нескончаемой борьбы.

А не бессмысленна ли эта борьба? «Все новое лучше старого, даже если старое – лучше нового» – гласит народная мудрость. Просто у более молодого поколения больше времени и сил отстаивать свои права, когда у более взрослого есть статус и мудрость.

Причина конфликта банальна – новое поколение всегда приносит с собой новые идеалы. Помните Владимира Маяковского – «Сбросим Пушкина с корабля современности», или не такой далекий пример с рок-музыкой. Рождаются и вырастают дети и несут в мир свою идеологию.

Молодым писателям также нелегко «вклиниться» в литературный мир, ведь его создало предыдущее поколение. Оно обязательно захочет видеть в неофитах свое «отражение». И вот уже новоявленный поэт или прозаик, как бы талантлив он ни был, идет грустный и подавленный с приема у мэтра.

Конечно, история знает исключения, и их немало. Вот только большинству приходится «выгрызать» себе дорогу в литературный мир, прорубать ее, подобно принцу из «Спящей красавицы» заросли диких растений на пути к замку принцессы.

И это хорошо. Потому что в этой борьбе закаляется характер, а произведения насыщаются зрелой истиной. Ведь и предыдущее, «взрослое» поколение в свое время действовало так же.

На страницах нашего журнала вы найдете представителей разных писательских поколений. Вы увидите, что талант всегда найдет дорогу.

Приятного чтения!

Юлия Поселеннова,

шеф-редактор журнала «Российский колокол».

Современная поэзия

Виктор Пеленягрэ

Виктор Пеленягрэ – культовая фигура русского арьергарда. Основоположник и лидер литературного направления, получившего название кургуазный маньеризм. Автор скандальных поэтических мистификаций – от древнеримского поэта Лукана до непристойного Ивана Баркова. Самая знаменитая из них – «Эротические танки» (1991) средневекового японца Рубоко – разошлась баснословным для современной поэзии тиражом в 300 000 экземпляров, затем неоднократно переиздавалась в Старом и Новом свете. Песни Виктора Пеленягрэ исполняют практически все звезды российской эстрады, они стали музыкальной основой многочисленных фильмов и театральных постановок. На его счету – в алфавитном порядке – целый ряд всенародных суперхитов от «Акапулько» до «Я вышла на Пикадилли». Теперь без его имени не обходится ни одна солидная антология. Лауреат знаковых музыкальных и литературных премий. Произведения поэта переведены на многие языки мира.

Как упоительны в России вечера

Как упоительны в России вечера!
Любовь, шампанское, закаты, переулки...
Ах, лето красное! Забавы и прогулки,
Как упоительны в России вечера!
Балы. Красавицы. Гвардейцы. Юнкера.
И вальсы Шуберта, и хруст французской булки.
Любовь, шампанское, закаты, переулки.
Как упоительны в России вечера!

Как упоительны в России вечера!
В закатном блеске пламенеет снова лето.
И только небо в голубых глазах поэта.
Как упоительны в России вечера!
Пусть слава – дым, пускай любовь – игра.
Ну, что тебе мои порывы и объятья.
На том и этом свете буду вспоминать я,
Как упоительны в России вечера...

Женщина у зеркала

Ах, кружевница! ах, шалунья, ах,
В прозрачных ослепительных чулках.
Пусть меня рассудок не оставит,
Когда она на цыпочках впотьмах
У зеркала мгновенно их поправит.

.....
Так ты все видел? Ах, негодник... Ах!

Белый танец

С тобой ли танцевал,
Вальсировал так славно
И в губы целовал
Еще совсем недавно.
Всё стрелы я пускал.
Мелькнули и пропали.
Ах, если бы я знал,
Куда они попали!
В объятьях, как змея,
Без устали кружилась,
Где из-под ног земля
Взяла и отделилась.
А то, что я шептал,
Не спели б менестрели.
И так дотанцевал
Я до твоей постели...

Задолго до зимы

Из подъездов тянуло прохладой,
Нерушимой несло стариной,
И вставал за чугунной оградой
Лунный шар теневой стороной.

Откажусь ли от здешней свободы,
Что врезалась на всех парусах,
Сотрясая небесные своды,
Я забудусь в ночных поездах.

Ветер странствий мотался, неистов,
И вдогон, все на свете круша,

Как смертельный удар каратиста,
Вдруг из тела рванулась душа.

С той поры я живу как попало,
Полыхая высоким огнем,
Будто разума мне не достало
Помышлять на земле о земном.

На задворках родной Салтыковки
По колено любые моря.
Я продрог под крылом остановки,
Пропадая ни свет ни заря

Кто окликнул во мне домочадца?
Я ладони над миром сведу.
Надоело по свету шататься
И пугаться себя на свету.

Дым и пепел

Рассекая декольте и фраки,
Я вдыхаю тонкий дым сигар.
Вновь пылают розы в полумраке
И встает за окнами кошмар.
Но под рокот жалобной гитары
Что случится на моем веку,
Серый пепел скрюченной сигары,
Брошенные розы на снегу...

Изабелла

Как весело и как легко
Несла ты молодое тело!
В бокалах пенилось клико,
И таял возглас: «Изабелла!»

Походка легкая твоя
Богам сулила наслаждение,
Когда с восторгом слушал я
В ней заключенное биенье.

Ты бросила случайный взгляд,
А я застыл остолбенело.
И сердце билось невпопад:
Я твой навеки, Изабелла!

Луна. Безветрие. Покой.
Но сколько грации и лени!
Под платьем трепетной рукой
Я гладил сжатые колени.

Вокруг меня цвели сады,
Где изнывали от желанья
И страсти пряные плоды
И женщин душные лобзанья.

В непогоду

Лежишь, как будто в забытьи,
Моим движениям подчиняясь,
А я шепчу слова любви,
Губами губ твоих касаясь.
А мне бы умереть любя
В безумной неге упоенья,
Когда приходишь ты в себя
И снова жаждешь наслажденья!

Запоздалый аргумент

Тебе все доказательства – как дым.
Я верен был. Так в чем же признаваться,
И что мне слухи, если разобраться,
Как будто мы себе принадлежим.
Все вижу я, все помню! Воздадим
Былому чувству, прежде чем расстаться.
Я больше не намерен унижаться.
Прошло сто лет. Я стал совсем другим.
Ах, Наденька! Ужели все напрасно?
В любви я споры вел с самой судьбой,
Когда свобода обернулась адом.
Ты ищешь доказательства? Прекрасно!
Всех женщин, что стонали подо мной,
Затмила ты своим холодным взглядом.

Клятвы

Клялась ты до гроба
Любить подлеца.

Как славно мы оба
Пошли до конца!

Раздевшись, зазноба
Смутилась на миг,
Я клялся – до гроба.
Приник и отник.

Добившись сближенья,
Я взял и сплясал.
Нас миг наслажденья
Навеки связал.

Смотреть надо в оба,
Не так ли, сестра?
Клялась ты – до гроба,
Всю ночь до утра

Как поздно

Как ты раздевалась поспешно
Как ласково руки встречались
Как сброшено платье небрежно
Как взоры твои преклонялись
Как пели небесные хоры
Как груди твои колыхались
Как плавно текли разговоры
Как сладко они обрывались
Как бредил я в ласках нескромных
Как поздно я главное понял
Как много их, пылких и томных
Как долго об этом я помнил...

Словеса

Ты в пурпур нег ее облек,
Ее уста замкнул устами.
Ты бог, ты царь, ты человек,
Растлил ей разум словесами.
Не так ли птицы в майский день
Возносят пение и свисты
И, парами сбиваясь в тень,
Живят вертепы каменисты.
Ты прямо в сердце льешь лучи
И прохлаждаешь тем от зноя.

Ревет Флегей, погибла Троя,
Я вся горю... Молчи, молчи!

На ущербе

Когда негнущимися пальцами
сниму сюртук я, молью траченный,
Уж если не в гостинной шелковой,
так в экипаже городском.
Раздевшись, я моложе выгляжу
у ног любовницы из Гатчины.
Мне нравится ее преследовать
с надменно-каменным лицом.

Когда бы воспарить мне соколом
над гладким телом беломраморным
И, пламенея поцелуями,
исследовать изгиб колен.

Мы в ласках медленно сближаемся,
как будто бы в театре камерном,
А голова все так же кружится
от этих непристойных сцен.

В большом и неуютном номере
мы с ней воркуем, словно голуби,
В постель нам подаются устрицы,
форель, шампанское во льду.
Когда же чувства разгораются,
глаза темнее темной проруби.
А мне б уснуть – и не проснуться,
целуя эту красоту.

За окнами закат смеркается,
давно до донышка все выпито.
Над Гатчиной в саду запущенном
не умолкают соловьи.
С тех пор в глаза ее бесстыжие
так много жадных взоров кинута!
Она все так же ослепительна
в бессонном зареве любви.

**Сонет,
написанный по возвращении из английского клуба**

Спускаюсь – скукою объят,
Знакомым сдержанно киваю.
Встречая восхищенный взгляд,
Глаза устало прикрываю.

На лестнице, ведущей в сад,
Я на слуге всю злость срываю.
Здесь все напоминает ад,
Когда я вниз к тебе сбегая.

Давно ль благоухал жасмин,
Как чувств нестрогий господин.
Свершилось: век свой отбываю,
А на сердце все тот же сплин.
Я – твой последний Лоэнгрин,
От равнодушья погибаю...

Железная дорога

Мы в разлуке, но любишь
Ты все так же меня.
Ты любовь не забудешь
До последнего дня.

В белом пламени страсти
Зарождается мгла,
Сердце бьется на части,
Все сгорело дотла.

Вспомни наши свиданья
В полумраке аллеи,
И восторг, и лобзанья,
И безумства ночей,

И тоску, и страданья,
И внезапный отъезд.
Жизнь, как зал ожиданья,
Тускло светит окрест.

По железной дороге
Прошумят поезда.
Ты сойдешь в Таганроге
Навсегда, навсегда...

Ars Amandi

Твое прямое назначенье
Меня на ложе призывать,
Дарить любовь и наслажденье
И замороженно внимать,
Без боя уступать сраженью,
Встречать, лелеять, провожать
И, не скрывая восхищенья,
Над каждой строчкою дрожать.

Раскаянье

Мне разлюбить тебя хотелось. Любил тебя одну.
Другим я назначал свиданья. Любил тебя одну.
Однажды я чуть не женился. Любил тебя одну.
О чем ты думаешь, прохожий? Люблю ее одну.

Свадьба

Жених в черном фраке отброшен и скомкан,
А к ночи ударили в бубны морозы.
Под марш Мендельсона, над заревом окон
В невесту бросали левкои и розы.

Задрать на балу подвенечное платье
Все время пытался один современник.
К невесте легко попадали в объятья
И юный поручик, и пьяный священник.

Невеста вся в белом, как быстрая кошка,
Плыла, извиваясь, гостями влекома,
И каждый хотел к ней прижаться немножко
И шарил свидетель под платьем как дома.

Я, чувствуя свадьбы зловещие трубы,
Невесту увел, от любви изнывая,
И – радостно дева подставила губы,
И плакал жених, на волынке играя.

Обладание

Упасть без чувств, очнуться,
Пока весь город спит,
И губ твоих коснуться,
Отбросив ложный стыд.
Быть яростным, смиренным,
Ревнивым, добрым, злым,
А утром стать надменным,

В лицо пуская дым.
Что счастье? Дым и ветер,
Блаженства тяжкий гнет.
Кто жил на этом свете,
Без слов меня поймет.

Я тебя разлюблю и забуду

Это сильное тело скользит в простыне,
Эти чуткие руки замрут на спине.
Что, любимая? Что тебе снится?
Мне смеются в ответ голубые глаза.
В этих адских зрачках отразилась гроза,
И высокая грудь золотится.

Словно кожу, срываю с тебя простыню.
Я тебя на рассвете домой прогоню.
Я тебя разлюблю и забуду.
Все пройдет: лихорадка, видение, мгла,
Домогается холод любви и тепла
И ласкает, и молится чуду.

Глаголы

Как май полыхает!.. Светает. Пора.
Накинешь доспехи и прочь со двора.
Не ты ли цепочкой играешь, нагая,
И смотришь в окошко, почти не мигая.
Рожденный разлукой, колеблется звук,
А скрученный локон на пальце упруг.
Становятся ближе ночные светила.
Ты в самое сердце поэта пронзила.
Там губы пылают, как будто в огне,

Там бедра, как рыбы, всплывут в тишине.
Как трепет восторга, как ночь вдохновенья,
Как молния страсти, как сумрак забвенья,
Где падают звезды и грезят цветы,
Спрягая глаголы твоей наготы...

Позови меня тихо по имени

И.М.

Позови меня, тихо по имени,
Ключевой водой напои меня.
Отзовется ли сердце безбрежное,
Несказанное, глупое, нежное.
Снова сумерки входят бессонные,
Снова застыт мне стекла оконные,
Там кивают сирень и смородина.
Позови меня тихая родина.

Позови меня
На закате дня,
Позови меня,
Грусть-печаль моя.

Знаю, сбудется наше свидание.
Затянулось с тобой расставание.
Синий месяц за городом прячется.
Не тоскуется мне и не плачется.
Колокольчик ли? Дальнее эхо ли,
Только мимо с тобой мы проехали,
Напылили кругом. Накопытили.
Даже толком дороги не видели.

Позови меня тихо по имени,
Ключевой водой напои меня.
Знаю, сбудется наше свидание,
Я вернусь. Я сдержу обещание.

Дивные дивы

Дивные дивы тоскуют и рдеют.
Молится месяц, плывя по лазури.
Ласки и грезы в глубинах бледнеют,
Словно обломки рассеянной бури.
Мне бы припомнить слова той молитвы,

Мне бы забыть этой страсти извивы.
В сердце все те же любовные битвы,
Как недоступные дивные дивы.

Экая жалость...

Я тебя за собой поманил,
А когда мы остались в гостинной,
На холодный паркет повалил
И слышал твой смех беспричинный.

Ускользая, как будто змея,
Ты в персидскую шаль замоталась
И отпрянула: – Я – не твоя!
И подумал я: экая жалость!

Но в глазах прочитал я упрек.
Зазвенели браслеты и кольца,
Все одежды с тебя сохлещ
С неподвижным лицом комсомольца.

Я задул на камине свечу,
Ты в комок ожидания сжалась
И воскликнула: – Я не хочу!
И подумал я: экая жалость!

И достал я тяжелую плеть,
И вбивал я с улыбкой любезной.
В эту ночь ты должна умереть,
Так посмейся, мой ангел прелестный.

Ты, нагой Саломее сродни,
Со слезами бросалась на стены.
И слышал: – Распни же, распни
Эту плоть за былые измены!

Я словами тебя распинал,
Даже слуги на крики сбежались.
А когда я тебе все сказал,
Наши губы во тьме повстречались.

Ты со мной устремилась в полет,
Высоко поднимая колени.
Так мы встретили поздний восход
На греховной житейской арене.

Так неслись мы на всех парусах

В пируэте изысканной позы,
И, любуясь собой в зеркалах,
Навевала ты сладкие грезы.

Был мне голос – и нежен, и глух,
Я тебя не расслышал, и все же —
– До свиданья, любезный мой друг!
Как угодно. Простимся. О Боже!

Я тебя до ворот проводил.
А когда ты со мной расставалась,
Все твердила: – Ведь ты не любил! —
И добавила: – Экая жалость...

Я вышла из Пикадилли

Лайме

Зачем вы меня забыли,
Зачем вам меня не жаль?
Я вышла на Пикадилли,
Набросив на плечи шаль.

Вы гладили ворот шубы
И, глядя в мои глаза,
Искали губами губы
И все, что искать нельзя.

По улице Пикадилли
Я шла, ускоряя шаг.
Когда меня вы любили,
Я делала все не так.

Всю ночь изнывали скрипки
И плавал сигарный дым.
Дарила я вам улыбки,
Смывая слезами грим.

Я вышла на Пикадилли,
Набросив на плечи шаль.
Зачем вы меня любили,
Зачем вам меня не жаль?

Правда

Ни к чему нам эти разговоры.
Настежь распахнула ты окно.
Пойте, птицы, зеленейте, горы.
Все погибло, все обречено.

И пускай легка твоя дорога,
Где лучи рассеивают тьму.
Ты была не первой, недотрога,
Только эта правда ни к чему.

От любви душа моя в занозах.
Разочтемся. Так тому и быть.
Сколько было их, черноволосых,
Белокурых... Что тут говорить!

А когда воскликнешь ты: – О Боже! —
Я тебя с улыбкой обниму.
Сколько было на тебя похожих!
Эта правда тоже ни к чему.

Все о жизни, ничего о смерти.
Этой правдой не смутить живых.
Ах, какое солнце на рассвете!
Кто поднимет тяжесть век моих?

Накануне

До какого бесчувствия ты напилась!
Даже я изменился в лице от такого.
– Князь, мне дурно! Вы слышите? Дурно мне, князь! —
Повторяла сквозь зубы ты снова и снова.
Я неверной походкой прочерчивал путь
От рояля к дивану, целуясь с паркетом.
Ты все время пыталась корсаж растянуть
И мой верный слуга помогал тебе в этом.
Но когда на мгновение замедлил я шаг,
Расточая предметам гостиней проклятья,
Ты слугу отстранила: – Как душно мне, Жак!
Что за Жак, черт возьми, ей расстегивал платья?
Дальше был Ильдефонс, Церетели, поручик Кижэ,
Государь император (как в очерке сжатом!).
Сколько тайн мне открыла моя протезе!
Я слугу отстранил и уставился взглядом
На измятую шаль, на алмазную брошь,
На открытую грудь, на бесстыжие позы.
Значит, верность твоя – несусветная ложь.
Я на смуглую кисть намотал твои косы.

Говоришь, государь император, змея?
Ты заплатишь с лихвой за свои разговоры!
В эту ночь я тебя застрелил из ружья,
А чуть позже затеял пальбу из Авроры.

Девочка

Первая красавица в городе жила,
Очень неприступная девочка была.

В школе не шалила и вела дневник,
Редко выезжала к морю на пикник.

Рядом жил парнишка, мелкий хулиган.
По ночам он чистил краденый наган.

Как всегда беспечный, сядет у ворот,
Сказочку расскажет, песенку споет.

Дева-дева-девочка моя,
Если б только знала, как люблю тебя,
То, наверно, сразу прибежала бы ко мне.

Маленькая девочка в платье голубом,
Выйди на крылечко, посидим вдвоем.

Так он пел, и хриплый голосок дрожал.
Дворники парнишке шили криминал.

Девочка, внимая, села на карниз
И с ужасным криком кинулася вниз...

Так соединились детские сердца,
Так узнала мама моего отца.

На запад (на мотив Ивана Андрощука)

Неси меня, конь, уноси до запретного края.
Неси меня, конь, пусть нам ветер все слезы утрет.
Неси меня, конь, жесткий стебель травы разрывая,
Туда, где ветров хищнокрылый заморский разлет.

Неси меня, конь, сквозь потемки разбуженной ночи.
Неси меня, конь, в белом пламени пены у рта.

Неси меня, конь, чтоб забыть материнские очи,
Что всюду со мной и меня не простят никогда.

От хат поселян, от древлянской застуженной сины,
От неба родного, что звездами в нас голосит...
Куда ты несешься, беглец, оставляя святыни,
Бесславною ночью куда тебя вихорь умчит?

Какая там воля? Какую нам, к черту, свободу?
Казак, оглянись: по-над речкой, на самом краю,
Как пьют наши кони дунайскую горькую воду.
Чужбина окрест, где разлуку свою отстою...

1984

Подруга

Как быстро в городе темнеет!
И вновь трамвай гремит по кругу.
Но даже нищих солнце греет,
Где я нашел себе подругу.

Пусть не подруга! Так, подружка.
Миниатюрна и упруга,
В японском стиле безделушка,
В каком-то смысле лучше друга.

А мне б любить – и ту и эту,
Крутить любовь напропалую.
А мне б гулять по белу свету.
Ну, где найдешь еще такую?

У господина президента
На трон четыре претендента,
И чемоданчик, и прислуга.
А у меня одна подруга.

Памятник

Откинувшись на спинку кресла,
Она в глаза мои глядит.
Огонь ей пожирает чресла,
И вся мадам уже горит.
Как тонкая полоска света,
В нее вошел я в тот же миг.
Ах, сладкий сон! ах, зелень лета!

С тех пор ни слова, ни привета.
А ей, как водится, за это
Я памятник в душе воздвиг...

Сила искусства

Как будто из Гейне

Качается звездная люстра.
Раздвинь же колени скорей.
Вот радостный смысл искусства,
Вот суть философии всей.

Подбрось к небесам эти ноги,
Сильнее за бедра держись.
Сошлись в этой бездне дороги,
Лишь в ней лучезарная высь.

Вот Гегель! Вот сила искусства,
Вот дух философских начал.
Все то, что нам рек Заратустра,
Все то, что Сократ завещал.

Навыи чары

Вольный баловень забавы,
В темный лес тебя влекут
Девы, жены, шлюхи, павы,
Сладострастные отравы,
Так из нас веревки вьют.
Для тебя в чащобе злочной
Бьет кастальский ток прозрачный,
Как сердце любовный жар.
Ты, кого зовут в постели,
Рассыпая свист и трели,
В глухомани навых чар.
Всюду феи и колдуньи,
А взглядишься – лгуньи, лгуньи.
Где-то люди, воля, свет,
Но туда мне ходу нет.

В грозу

Когда, слезами обливаясь,
Ты раздевалась вновь и вновь,
Шептал я, губ твоих касаясь:
– Возьми, возьми мою любовь!
Там, в нежности твоей минутной,
В постыдном развороте поз
Мерещился мне ропот смутный
И веял сладкий запах роз.
Грозил копьем святой Егорий.
Ты раздевалась, как всегда,
Метафор, даже аллегорий
Я не чуждался никогда.

Из Микеланджело

Блаженство – спать... Когда бы камнем быть,
В безумный век жестокости и тленья
Удел богов не чувствовать смятенья,
Не сметь, не мыслить, не роптать, не жить...

Нужда

Вот поэт колотит шлюху,
Просит похмелиться.
Юнкер Шмидт клянет старуху,
Хочет застрелиться.
Вот ведь как нужда прессует,
Да и как без денег.
Юнкер Шмидт старух танцует,
Так вот, современник.

Thanatopsis¹

Нежить очнется на склоне осеннего дня.
Северный ветер насквозь продувает меня,
Падает свет фонаря на запущенный сад.
Ночь разразилась, и черные птицы летят.

Плоть моя – угли, лицо мое – сколотый лед.
Станешь по рельсам шататься ты взад и вперед,
Выйдешь за кладбище, ноги стянув мешковиной.

¹ Зрелище смерти (греч.).

Улицы города к ночи разят мертвечиной.

Темною ночью в округе не видно ни зги,
Флюгер бормочет и спать не дает у реки.
Я заверну по дороге в ночной кегельбан,
Здесь поддыхает знакомый один корефан.

Из оловянных посуды дымится наш суп,
И, обкурившись, мы пробуем вечность на зуб.
В пекле Москвы приближается ночь к апогею.
Въеду на белом коне и в Кремле околою.

Прячусь и жду, как ребенок, подняв воротник.
Сердце мое под мостом переходит на крик.
Разве кого дозовешься над ширью пустынной!
Душу отдам я канистре из-под бензина.

Только мне снится, что волосы ночью горят.
Вновь на себе я ловлю ненавидящий взгляд.
Царство ли мертвых внимает неслышным молитвам
Или же дряхлый младенец сучает по битвам?

Кто же станцует со мною на битом стекле,
Дива ли дивная, шлюха ли навеселе?
Много ли женщин мы встретим на кратком веку?
Кто это там на разврат нагоняет тоску?

Сквозь Апокалипсис ангелы смерти летят.
Сколько их кружит? Какой еще там газават?
Кто же придет и утешит меня в темноте,
Кто разглядит этот воздух на мутной воде?

Сонет **(Джон Китс. Вольное переложение)**

Когда охватит страх, что век сочтен
И дух сражен – и не довоплотиться,
А труд всей жизни: до конца раскрыться
Не завершен; увы, не завершен.
Когда, открытый звездам лишь на треть,
Я созерцал туманный символ чувства,
Меня тревожил грозный смысл искусства,
И я задумал смерть запечатлеть.
Ужели наступает мой черед,
Когда под тенью тайного проклятья
Рыдает скорбь и рушатся объятья,
Я на краю – внизу поток ревет.

Стою один в пределах той страны,
Где слава и любовь осуждены...

Сорок лет

Сорок лет просвистел... Не заметил,
Чей эсминец сбивает волну?
Я ли лучшую женщину встретил?
Я ли был по ночам на луну?

Я повел тебя в синие дали.
Все смеялась, вдыхая цветы.
Расскажи, как тебя целовали,
Расскажи, как целуешься ты.

Журавель у глухого колодца
Сорок лет все скрипит и скрипит.
В том окошке никто не смеется,
Но стекло отражение хранит.

С поцелуями лезут старухи
И горит под ногами земля.
Молодые красивые шлюхи,
Словно крысы, бегут с корабля.

В ожидании варваров (на мотив Верлена)

Я – римлянин периода упадка.
Я духом пал. Я жалок и смешон.
И варвары теснят со всех сторон,
Когда в душе – ни строя, ни порядка,
В руке не меч, увы! лишь рукоятка.
Земная пыль на пурпуре знамен.
Взгляни окрест: какой ужасный сон!
Куда бежать мне от себя? Загадка!
Я поднимусь, чтоб в эту землю лечь,
На рубежах предательства, засады.
Все – вдребезги! Все выпито с досады.
Глумится чернь. Но не об этом речь.
Что жизнь и смерть? Обходят стороной.
Но только так я стал самим собой.

Шарманка

Вернулась шарманка,
О чем-то вздыхая.
Вернулась шарманка,
Ночами рыдая.
Страдает шарманка,
Стирая улыбки.
Рыдает шарманка
С душой первой скрипки.

Влекут ли мечты небывалые,
Цветут ли цветы запоздалые,
Все так же рыдает шарманка,
В Париже она – чужестранка.

Все так же шарманка
О чем-то жалеет,
Все так же шарманка
Грустит и стареет.
Страдает шарманка,
Стирая улыбки,
Рыдает шарманка
С душой первой скрипки.

Почти в альбом

С глаз долой! Среди белого дня
От любви я своей отступил.
Только как ты теперь без меня?
Я подумал и тут же забыл.
Что искал я под вечной луной,
О высоком и низком скорбя?
Ты прошла, словно жизнь, стороной,
Только как я теперь без тебя?

Современная проза

Саша Кругосветов

Лев Яковлевич Лапкин (псевдоним Саша Кругосветов) – детский писатель, публицист, лауреат литературной премии «Алиса» имени Кира Булычева, сопредседатель Центрального офиса ИСП, координатор офиса ИСП в Санкт-Петербурге.

Лев Лапкин не только поэт и прозаик, обладающий ярчайшим талантом, но и крайне разносторонний человек с интересной биографией.

Так, будучи студентом, он выступал в КВН, участвовал в агитбригадах. И в то же время в 27 лет стал кандидатом технических наук, а его графические работы представлялись на выставке художественного творчества молодых ученых Академии наук СССР.

В студенческие годы стал чемпионом Ленинграда по академической гребле. Более 35 лет занимался боевыми единоборствами. И такая увлеченность спортом ничуть не мешала Льву Лапкину написать три докторские диссертации, опубликовать более ста научных трудов в области математики и электроники и стать заслуженным изобретателем СССР, у которого 27 авторских свидетельств. Причем все его разработки были внедрены. А сам Лев Яковлевич Лапкин руководил подразделениями, занимающимися исследованием и проектированием в области ракетостроения. Позднее руководил подразделением в Академии наук СССР. Был руководителем ряда опытно-конструкторских и научно-исследовательских работ и параллельно преподавал в Институте повышения квалификации руководящих работников.

В 1991 году Лапкин ушел из Академии в связи с закрытием направления. В настоящее время предприниматель, руководитель предприятия. Ветеран труда. Награжден медалью «За доблестный труд».

Главный герой многих произведений Льва Лапкина или, точнее, Саши Кругосветова, поскольку именно под этим псевдонимом он выступает в печати, – капитан Александр, живший во второй половине XIX – начале XX века, который ходил на деревянных парусных кораблях и не изменял парусникам даже тогда, когда появились первые железные корабли с паровым двигателем.

Рассказы о приключениях капитана Александра у Кругосветова получают удивительно живыми и увлекательными, возможно, как раз потому, что сам автор много путешествовал и далеко не понаслышке знает о том, какими интересными могут быть далекие уголки нашей планеты и люди, живущие там.

Помимо детской литературы Саша Кругосветов известен также своей публицистикой, он написал три книги в жанре «нон-фикшн». В печати появились и рассказы для взрослой аудитории. Один из таких рассказов мы и предлагаем вашему вниманию.

Дипломы и премии

Диплом победителя «Школы Букеровских лауреатов» по классу прозы (руководитель – В.В. Ерофеев) с вручением медали им. А.С. Грибоедова (Милан, 2012).

Дипломант Франкфуртской книжной ярмарки (2012).

Дипломант Фестиваля славянской поэзии в Варшаве (2012).

Дипломант Book Fair в Лондоне (2013).

Победитель конкурса Продюсерского центра А. Гриценко при информационной поддержке МГО СПР, Союза писателей-переводчиков, Международного общества им. А.П. Чехова «Лучшая книга года» (2012) в номинации «Сатира. Пародия. Ирония. Юмор» за книгу «Остров Дадо».

Победитель конкурса Продюсерского центра А. Гриценко при информационной поддержке Союза писателей-переводчиков, МГО СПР и Международного общества им. А.П. Чехова альманаха «Российский колокол» (2012) в номинации «Лучший писатель России».

Победитель конкурса Продюсерского центра А. Гриценко при информационной поддержке Союза писателей-переводчиков, МГО СПР и Международного общества им. А.П. Чехова «Лучшее перо России» (2012) с вручением наградной статуэтки.

Премия Интернационального Союза писателей, Литературной конференции по вопросам фантастики «Роскон», Крымского открытого фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг», Литературно-практической конференции «Басткон»: Гран-при с присуждением звания «Лауреат литературной премии «Новое имя в фантастике» – в номинации «Фантастика для детей».

Лауреат премии «Алиса» имени Кира Булычева (2014).

Книги

«Остров Дадю. Суеверная демократия». М.: Московская городская организация Союза писателей России (2012).

«Большие дети моря» (+СД). М.: Интернациональный Союз писателей. Продюсерский центр Александра Гриценко (2013).

«Архипелаг Блуждающих Огней». М.: Интернациональный Союз писателей. Продюсерский центр Александра Гриценко (2013).

«Остров Дадю. Суеверная демократия». Электронная книга. М.: Московская городская организация Союза писателей России (2013).

Dado Island. The Superstitious Democracy. Электронная книга на английском языке. М.: Московская городская организация Союза писателей России (2013).

«Сто лет в России» (ИСП, 2014).

«А рыпаться все равно надо» (ИСП, 2014). «Живите в России» (ИСП, 2014).

«Киты и люди» (ИСП, 2014).

Марта (почти пьеса)

Действующие лица:

Марта Кржелина, невысокая, хорошенькая, ухоженная, точеная, словно статуэтка. Рыжеватые короткой стрижки волосы, пшеничные брови и ресницы, атласно-белая кожа, лилейная шея. Глаза темно-синие. Движения точные, быстрые и решительные. Муж зовет ее Ритой. Марта не работает. Дочери Марине шесть лет.

Максим (Макс) Кржелин, ее муж. Мягкий, добрый, круглолицый, чуть полноват. Движения легкие, округлые. Работает в НИИ. В свободное время занимается стрельбой по тарелочкам, мастер спорта. Заядлый охотник. Семью Кржелиных называют иногда МММ, не вкладывая, конечно, в название известный нам теперь смысл финансовой пирамиды. В семидесятые годы даже слов таких еще не знали.

Юлий (Юл) Степанов. Друзья зовут Степой, чаще – Стивой. Теплый, дружелюбный, умеет слушать собеседника. Знакомые, иногда и не очень знакомые, тянутся к нему, любят поплакаться в жилетку. Педант. Одевается скромно, но аккуратно. Ухоженные руки. Среднего роста, ловкий, подтянутый. Крупные черты лица: большие глаза немного навывкате, чувственный рот, полные губы, узкий удлинённый нос. Изрядно облысел в свои тридцать с небольшим. Стрижется редко, поэтому волосы сзади слишком отрастают и загибаются вверх. Выглядит это неаккуратно и контрастирует с его в целом ухоженной внешностью и опрятной одеждой.

Боб, рослый, спортивный, атлетичный, веселый. Успешный человек. Любимец женщин.

Леонид (Лео) Меклин. Бородатый, косматый, рыжий. Зовут Миклухо-Маклаем. Доброжелательный, общительный, недалекий. Увлекается фотографией.

Валентина (Валя), жена Лео. Фигура с неясно выраженными формами, лицо смазанное, глаза маленькие, довольно злые.

Сестра Вали.

Хачатур. Восточный человек, мажор.

Проводница.

Действие первое

Картина первая

Семидесятые. Ленинград. Квартира Макса и Марты в панельном доме, шикарная жилплощадь по тем временам. Макс накануне вернулся с охоты. Супруги пригласили на вечеринку друзей.

Кухня. Пластиковая светло-серая мебель польского производства – вершина достижений мебельной промышленности стран народной демократии, вкусивших в полной мере блага развитого социализма. На полу – утепленный линолеум с пятнами под кожу леопарда. Полосатые сине-фиолетовые шторы, блестящие темно-синие венские стулья. При входе на нитях позванивают стеклянные синие обереги в виде сердечек. Стол накрыт в соседней «большой» комнате. Оттуда доносятся звуки музыки, разговоры, смех. Гости едят, пьют, танцуют. Марта снует между плитой и гостями, носит блюда с закуской, чистую посуду, приборы, салфетки, да мало ли что нужно за столом, уносит грязную посуду. В течение всей картины периодически появляется и исчезает, лицо серьезное, Марта ни на кого не обращает внимания: она – хозяйка, занята гостями и столом в большой комнате.

За маленьким кухонным столом в задумчивости сидит Стива. Курит, в пепельнице – гора окурков. Входит Макс, он сильно навеселе.

– Ну как тебе глухарь, Стива?

– Честно говоря, ничего особенного не почувствовал. Суховато, жестковато. Не обижайся, Макс, я в этом плохо разбираюсь. Остальное, то, что Марта наготовила, – как всегда, на высоте. Ты ведь железкой ехал чуть ли не с Дальнего Востока. Как дичь-то удалось довести?

– Ну не с самого... Три дня ехал. Мясо дикой птицы, что глухарь, что тетерев, если спустить кровь, долго не портится. Дай сигаретку.

– Ты же не куришь. Что-то случилось?

– Риточка опять уезжает. Когда я отправлялся на охоту, ничего об этом не говорила.

– Куда?

– Говорит, что в Крым.

– Ты что, ничего не знал?

– Да говорю же тебе – ни сном ни духом. Вчера приехал, и словно обухом по голове...

Сегодня в ночь и уезжает.

– Почему без тебя?

– Рита вообще со мной не считается. Звоню с работы, она сообщает: «Меня сегодня не будет. – А где Маринка? – Маме отдала. – И куда ты? – На девичник».

– Чего это она вдруг решила так неожиданно в Крым поехать?

– Какая-то Клара, ее подруга, уже там, в Коктебеле. Сняла комнату, позвонила, что ждет. Погода хорошая, вода теплая, не то, что у вас здесь – дожди, дожди, дожди... Грех, мол, пропускать. Давай, ноги в руки... В прошлом году тоже ездила без меня...

– Да-а-а... Коктебель, тепло, красота! Ну и что тебя так взволновало? Марта – женщина разумная, не беспокойся, все будет в порядке.

– А как она будет добираться, одна, с чемоданом?

– Проводи ее на вокзал.

– А там? Троллейбус, потом автобус.

– Мир не без добрых людей. Кто-нибудь поможет молодой женщине чемодан донести.

– То-то и оно. Здесь помогут, там помогут. Я весь издергался. Ее никогда нет, где Рита, что Рита? Она как мужик – встала и пошла. Одной подруге помочь, другой...

– Вот видишь, она хороший, отзывчивый человек.

– Как же, отзывчивый. У меня температура – 38 с лишним. В холодильнике пусто. Она – Маринку к маме. Сама – на пластику. Пластикой занимается. Даже не знаю, что это – то ли танцы, то ли лепка. «Марта, – говорю ей, – сготовила бы хоть что-то». – «Ты продукты при-

нес? Нет!» И смотрит на меня: вот, мол, сам делай выводы. А я-то – дурак полный. Она потом звонит: «Вернусь поздно. На последнем метро». Думаю: бедная Риточка, – одна, ночью. С температурой тридцать восемь вскакиваю, бегу встречать, чтобы одна не возвращалась. А ей – хоть бы что, все – как должное, температура – не температура... Боюсь домой возвращаться днем. Вдруг кого застану... Как ты думаешь, может, у нее кто есть?

– Зря ты дергаешься. Марта – не из таких. Не производит впечатления легкомысленной женщины.

– Из таких, не из таких... Уже почти год у нас с ней ничего. Я – в одной комнате, она – в другой, с Маринкой. Все отговорки. То, видишь, ребенок болеет. «Ты знаешь, – говорит, – сегодня я так устала на пластике. Ну, не лезь с объятиями. Не сейчас, не сейчас. Не хочу я, ты понял? Не до тебя. У Светки, моей подружки, муж ушел. Пойду, навещу. Останусь у нее. Надо же подруге помочь»...

– Да не психуй ты, Макс, видишь – она друзьям помогает, что в этом плохого?

– Обо всех думает. Только не обо мне. У нее кто-то есть. Она сказала, что собирается разводиться со мной.

– Даже так? Это серьезно?

– Черт ее разберет... Вроде сказано между прочим. Может, и в шутку... А я так думаю – неспроста. Она меня ни в грош не ставит. От нее только и слышишь: «Поди сделай, поди принеси. Ухожу, Маринку покорми, поиграй с ней в развивающие игры, почитай, принеси продукты, дай денег, встретишь меня у метро».

– Современная женщина! У нее свои интересы. А ты хотел бы, чтоб она была домашней курицей? Чтобы была толстой, опустившейся, обрюзгшей? Ты этого хочешь? Она у тебя стройная, подтянутая, в тонусе. Просто «моделька». Женщина с Запада. И ножки, и шея, и глаза...

– Выглядит-то она неплохо, все, что надо, есть – да не про мою честь.

– Ты, наверное, ее часто попрекаешь.

– Нет, пожалуй. Иногда, правда, говорю: «Может быть, ты дома побудешь? Или – давай сходим куда-нибудь». А вот на это она всегда готова – в гости, потанцевать. И у нас принять, как сейчас. С удовольствием. И наготовит, и стол накроет. И все легко, как бы между прочим.

– Это так, Марта очень быстрая. И в доме порядок. Ты всегда накормлен, обстиран, отглажен...

– Да нет, какое там. Она считает, что мужчина должен сам и постирать, и погладить, и вещи себе купить.

– Макс, ты неправ. Все-таки у тебя теплый дом, в доме – обед, ребенок накормлен. Уют. Вон, новые стулья в кухню прикупила.

– Какие новые? Это бабушкины венские стулья. Марта... она их ошкурила и покрыла темно-синим блестящим автомобильным лаком.

– Шикарно получилось. Так и сияют. Неправ ты, неправ относительно Марты. Смотри – мы тут сидим, а она так и спует – взад, вперед.

– Где же я неправ? Она меня ни в грош не ставит. Что бы я ни сказал. Она даже не спорит – промолчит и сделает по-своему.

– Знаешь что, Максик, я тебе удивляюсь! Чуткий, тонкий, интеллигентный, а в семейной жизни ведешь себя нетактично. Нетактично и недальновидно. Упрекаешь жену – не туда пошла, не то сделала, а этого – наоборот, не сделала. А сам-то ты как? Раз – и укатил на охоту.

– Да не защищай ты ее. Это не женщина, мужик в юбке. Холодный, грубый мужик в юбке. Ни тепла от нее, ни ласки.

– Значит, где-то есть твой промах, где-то сам и виноват.

– Ты не представляешь, как мне плохо... Я ведь на все для нее готов. У нас же ребенок. А я чувствую себя чужим в этом доме. И, между прочим, это квартира моих родителей. Да,

да, это они нам подарили, и давно. Ну, не подарили... Одним словом, разрешили Марту прописать. Надоел я тебе этими разговорами? Иди, потанцуй.

– Отчего ж, давай поговорим. Тебе надо успокоиться. И не видеть все в дурном свете.

– Мне ничего не хочется. Жить не хочется... Может, я бесхарактерный?

– Конечно, ты слишком мягкий. Иногда необходимо и характер проявлять.

– Сколько раз решал: надо расходиться, пора расходиться – а не могу. Ей нужен не такой, как я. Ей нужен бесчувственный, примитивный мужлан, чтобы и поколотить мог в случае чего. Говорила же матушка: жениться надо на девушке своего круга. К черту эту семейную жизнь, к черту Марту! Хочется уйти на охоту и не вернуться...

– Что ты имеешь в виду – остаться в лесу?

– Остаться где-нибудь между Хабаровском и Владивостоком и никогда не возвращаться. Си-хо-тх-А-линьский к-х-хр-ребет. Там живут одни только кх-х-меры. Какие кхмеры? – ханты-манси, вот кто там живет. Черт, я уже ничего не помню. Как же назывался этот чертов кхрребет, который я пересекал по пояс в снегу всего несколько... Несколько... чего? А – дней назад. Вот там бы и остаться. И никогда не возвращаться.

– Покинуть сей бренный мир?

– Что угодно. Уйти, чтобы этого всего больше уже не видеть.

– Успокойся, Макс. Выпей что-нибудь для разрядки.

– Какой выпить? Я уже, наверное, бутылку коньяка вылакал. Какая разрядка? Р-р-мян-ский коньяк Гранд Срвис, Мштосцсц. Чтобы не лцзреть...

– Зря ты нагнетаешь. Проводишь Марту на вокзал. Вернешься домой. Отоспишься. Она отдохнет в Коктебеле. Приедет отдохнувшей. Уже было год назад... И все у вас наладится. Забудешь о мрачных мыслях. Иди-ка лучше к гостям.

– Нет, ты скажи мне, Стива. Я ведь только тебя спросить могу. Ведь это кто-то из наших. Конечно – не официант какой-то, не водопроводчик, Марта слишком брезгливая... Кто-то из наших. Откуда еще взяться человеку? Кто, кто? Это, наверное, Боб.

– Что за глупость? С чего ты взял?

– Ну не Мклухо же Мклай! Рыжий – он никакой. А Боб – высокий, стильный. При деньгах. Это Боб.

– Вряд ли. У Боба же с Лариской роман. У них очень серьезно.

– А Боб такой, он и с Лариской, он и с кем-то другим запррст может. Легко! Если женщине из наших выбирать – так только Боба!

– Ты перепил, Макс. Иди закуси. И потанцуй.

Картина вторая

«Большая» комната в квартире Макса и Марты. Совковый шик – паркетный пол, полированная мебель. Тоже, скорее всего, импорт из Восточной Европы. В глаза бросаются необычные сине-фиолетовые бумажные салфетки на столе – не очень аппетитно, но Марта почему-то не любит белые. Боб танцует с Валей. Лео – за столом с сестрой жены.

Входит Макс. Подходит к танцующим. Довольно бесцеремонно отодвигает Валю («Макс, как ты себя ведешь?»)... и, не обращая на нее внимания, поворачивается к Бобу.

– Ты отчего один пришел, супермен, мы же приглашали тебя с Лариской?

– Лариска не смогла. Ребенок приболел. Просила передать всем привет.

– Ах, да, у нее же сын пятилетний. Заболел, заболела – свежо предание, а верится... с трудом.

Макс достает из шкафа две пары боксерских перчаток. Надевает одну пару на руки Боба, шнурует, Боб смотрит на него с удивлением, вторую пару – на свои руки:

– Валюшка, не дуйся, иди-ка лучше сюда, зашнуруй перчатки мастеру спорта по тарелочкам. Ну что, ты готов, красивый, спортивный, успешный Боб?

- Вообще-то сейчас не момент, то есть не самый удачный момент. Может, в другой раз?
- Боишься, что ли? Меня, простого кх-х-мера, боишься...
- По-моему, ты немного не в себе, Макс. Но раз настаиваешь... Давай попробуем.

Макс без подготовки бросается в атаку. Старается попасть в лицо Бобу. Бьет изо всех сил.

– Ты чего, Макс, будто с цепи сорвался... Потише, потише, а то, чего доброго, сам наткнешься на мой кулак.

Спортивный Боб без труда уклоняется от яростных атак Макса. Выбившись из сил, мокрый и встрепанный Макс порывисто обнимает Боба, бросает голову ему на грудь. Валя и ее сестра хлопают в ладоши:

– Браво, мальчики, браво! Ничья! Победила дружба!

– Боб, Боб! – всхлипывает Макс. – Почему у одного все, у другого – ничего? Ты красивый, успешный, умный. Тебя Лариска любит. А меня, кто меня любит? Меня никто не любит...

Марта наблюдает эту сцену. Останавливается, испытующе смотрит на Макса синим глазом. Боб обнимает Макса. Миклухо-Маклай достает огромный фотоаппарат, чтобы запечатлеть забавную сценку.

– Ну что ты, Макс, успокойся. Все у тебя в порядке. Посиди, переведи дух, возьми записку, – говорит Боб.

Отводит Макса к дивану, снимает перчатки. Вытирает его вспотевший лоб, наливает в фужер клюквенного морса – пей, Макс.

– Да что вы меня все успокаиваете? Я со-вер-шен-но спокоен. Я в полном порядке. Кто вы такие? Зачем вы все пришли? Вы – никто. Ограниченные, жалкие, тупые, ничего не понимающие люди. Кх-х-мерры. Кхмеры-химеры... Если бы не Марта, я никого бы из вас не пригласил. Но Марта! Моя Риточка, как она скажет, так и будет! Ты не расстраивайся из-за меня, Боб. Ты – хороший парень. Вот – я дарю тебе крылышко. Это тетерев. Очень красивая птичка. Как и ты,

Боб. Ну, пожалуйста, возьми это крылышко. Не отказывайся, прошу тебя. Когда ты решишь полететь, оно очень тебе пригодится. Вместо пр-р-пелле-ра-ра. Не держите меня, я хочу говорить только со Стивой. Вот человек. Ему все можно сказать. Потому что он понимает...

Картина третья

Опять кухня. Стива пьет чай. Входит Макс.

– Стива, душа болит, дай сигаретку. Конечно, тебе надоели мои пьяные разговоры. Только скажи, сразу уйду.

– Да что ты, Макс, с удовольствием поговорю с тобой.

– Наверное, ты прав. Надо проще ко всему относиться. Марта отдохнет с подругой, и все у нас наладится. Может, мне поехать с ней? Пойду на вокзал провожать, куплю билет и поеду. Из наших дождей, сырости. А там тепло, солнышко, розы цветут. Рядом с любимой женой. Как ты думаешь?

Марта, проходит мимо, слышит их разговор. Останавливается, встает у стола, закури-вает сигарету, ждет, что скажет Стива.

– Неплохая идея. Но вряд ли получится. Клара, как я понял, сняла комнату, заплатила за двоих. Вы приезжаете вдвоем, как она должна реагировать? Думаю, Марта эту идею тоже не одобрит, – смотрит на синеглазую Марту, та молчит. – Только еще больше перессоритесь. Давай лучше переменим тему. Как дела на работе?

Марта уходит. Макс вытирает слезы рукавом.

– На работе... все бы ничего. Да вот, Стасик Турчинский, мой товарищ... Мой очень, очень хороший товарищ. Наши столы рядом... Seriously заболел... Стасик. Ты даже не представляешь, насколько это серьезно. Опухоль, трепанация черепа... Тяжел-л-лейшая операция, ему предстоит тяжел-л-лейшая операция! Неизвестно даже, что дальше, восстановится ли он полностью. В чем причина? В чем-при-чи-на? Да очень простая при-чи-на: за стеной – макет радиолокатора. СВЧ-е излуче... Всем – срочно проверяться. Я сам не свой хожу, сам-не-свой... Что по-ка-жет рентген? Если у него так, почему не может быть у меня? Мне страшно, Стива; как вспомню Стасика, так и бьет... лихорадка... Конец Максиму, конец МММ...

– Да не расстраивайся ты, Макс. И не нагнетай понапрасну страхи. Нет у тебя ничего. Если хочешь, сделай рентген. Чтобы не думать. Надо еще проверить излучение макета, не исключено, что там вообще все в пределах нормы. А у твоего Турчинского это произошло по какой-то другой причине. Мало ли что может быть. Плохая экология, врожденный дефект, генетика...

– Никто с этим не станет разбираться. Никому ничего не известно, а начальству – пофиг. И самое главное – это может проявиться не сейчас. Сейчас – нормально. Все хорошо, все тип-топ... А через три года – тютю – и вперед ногами. И Маринка растет без отца. Бедный ребенок, бедный ребенок, она живет и ничего не знает. Моя Маринка может очень скоро остаться сиротой. И Марту тоже жаль. Она ведь неплохая. Я ей когда-то стихи писал.

Долорес, Лолита, Лилит:
Алисы лилейная шея
И ленты лазури. Летит
Моя златовласая фея...

Лилейная шея Лилит. Вот уж точно – Лилит, дьявольская женщина, дьявол ее побери! Тогда были лилии, а в душе лотосы цвели... Какая, к черту, сейчас может быть лазурь, вокруг – темно-фиолетовые сумерки... В Марте много хорошего. Она туфли мне всегда покупает. Говорит: «Не люблю, когда ты на работу в спортивной обуви ходишь, ты еще кеды надень...»

– Лилейная Лили, Лилечка, интересно... Вот видишь, все не так плохо. Помоги Марте убрать со стола и собраться в дорогу. Она ведь сегодня уезжает? Значит, времени осталось немного. А я попрощаюсь со всеми и пойду. Чтобы вам не мешать.

Картина четвертая

Большая комната, где только что принимали гостей. Марта отводит перепившего Макса в спальню, уговаривает, чтобы тот вздремнул, пока она уберет со стола и помое посуду. Лео со спутниками собираются уходить – надевают в прихожей обувь, плащи, шляпки и шапки, кто что, готовятся основательно, на улице ветер и дождь как из ведра. Потом Лео, одетый уже по-уличному, пробегает зачем-то в комнату к Максиму. Боб тоже собирается уходить. Звонит телефон. Боб снимает трубку.

– А, это ты, Стива? Чего ты звонишь, кто нужен, Макс? Да он немного не в себе. Думаю, кемарит где-то в уголке. Ах, ты за него беспокоишься... Не волнуйся, похоже, что он утихомирился. Все спокойно в доме Облонских. В доме МММ, Кржелиных, I mean. Интересная фамилия у них. Если к Марте применять, получается – кружевница. И действительно – она такая, узор ведет красивый, причудливый, идеально узлы вяжет твердой расчетливой рукой. А если к Максиму применить, все кружит он и кружит, будто слепой, никак не найдет свою дорогу. Ты говоришь, у них в семье плохо?... Никогда бы не подумал. Макс, мне кажется, бесконечно предан семье, и Марте тоже. А Марта, конечно, железный рулевой. Разводиться собираются?... Все к этому идет, ты так думаешь? Во дела... Ну, если Макс уйдет,

я за Марту не беспокоюсь. Она правильная женщина и жизнь свою устроит. Макс считает, что у нее кто-то есть?.. Вряд ли. Моя Лариска дружит с ней, она бы знала. Да и не такая она, Марта эта, чтобы бегать налево. Ну, если разойдутся, все бывает... Кстати, если уж разойдутся... Тебе, Стива, давно пора обзавестись семьей. Вот для тебя была бы прекрасная партия. Умная, рачительная хозяйка, аккуратная, ты это ценишь. К тому же – красotka, не крррридил какой-нибудь. Ну что за шейка, что за глазки! Рассказывать, так, право, сказки! Какие ножки, а какой носок... И, верно, ангельский быть должен голосок! А кожа, вах-вах, сахарной бэлызны...

– Все бы тебе шутить да подсмеиваться, Боб. У меня Стелла есть.

– Кто это Стелла? Не та ли дантистка, к которой Лариска ходит? Ну, ты даешь, Стив! Поздравляю. Сама Стелла Пархатская! Классная тетка. Высший класс. Как у тебя с ней, серьезно?

– Знаешь, Боб, сам не могу понять. Временами все очень хорошо. Вчера круглые сутки, от утра и до утра провели в постели в ее квартире. Лямур, passion. Лежим, курим, она прижалась и говорит: «Знаешь, отчего я тебя люблю? Ты очень красивый!». Это я-то красивый. Обычная женская болтовня, а слышать приятно. Утром звонит муж. Говорит: «Сегодня прилетаю». Кто у нее муж? Знаешь, Боря, ничего об этом не могу сказать. Какой-то советский работник, наверное. При деньгах. И подолгу в разъездах. Она как вскинется: «Давай, давай, мой красавец. Нечего разлеживаться, быстренько собирайся». Я говорю: «Когда встретимся, Стеллочка?». «Не знаю, не знаю» – говорит. «Может, завтра ко мне подъедешь или вначале на вэrr-ни-сажжж, а потом ко мне?» – это я предлагаю. «Вернисаж тебе нужен, кррррасавец, как же... койка тебе нужна! Знаешь, Стива, кроме шуток, ты не звони и не надоедай, законный супруг мне во сто крат важнее». «Может, мне вообще не звонить и не приходить?». «Как хочешь, твое дело. Хоть и совсем не появляйся. Вначале научись бабло зарабатывать. Что такое бабло? Маней, манюхи, бабки, капуста». Вот ведь чертовка. И что я могу ей на это ответить?

– А я уже подумал, что у вас серьезно. Даже удивился вначале. Оказывается, вовсе нет – просто так, покувыркались и разошлись. Лариска мне о Стелле говорила не очень уважительно. Вернее, человек она хороший, но молва об ее нравах – не очень. Да ты не обижайся, что я так говорю – люди говорят, может и ошибаются. На каждый роток не накинешь платок. Послушай меня, Стива. Ты же умный, образованный, душевный, зачем тебе такие, как Стелла Пархатская? Присмотрись к Марте. Вы подходите друг другу – Лилия с Юлием...

– Хватит высмеивать меня, Боб. Марта замужем, Макс – мой друг, наш общий друг...

– Не вешай мне лапшу на уши, Стива. Будто я не знаю тебя. Ты человек современный, тебе принципы-то не особенно мешают. С виду – мягкий, пушистый, а на деле – супергибкий, отстраненный и беспринципный. Мне-то не рассказывай, у тебя свое понимание дружбы, любви, совести, тем более угрызений совести. Угрызениями себя не обременяешь. Ты человек легкий, родился под знаком Близнецов, ничего в голову не берешь. Вечный Юл, одним словом. Уж что-что, а в старомодности тебя никак не упрекнешь. Ну, хорошо, оставим эту тему, я не священник, а ты не на исповеди. Да не трепыхайся ты, не кипишься, мы тебя принимаем таким, каков ты есть. Вернемся к моему вопросу. Давай предположим, – условно, конечно, – что ты свободен, что у тебя нет Стеллы (а ее и так у тебя нет), а у Марты, предположим, нет Макса (а он, как я понял, и так ей не нужен). Ты мог бы заинтересоваться такой женщиной, как Марта? Море достоинств для будущей спутницы жизни. Ну, скажи мне, скажи, очень интересно, что ты думаешь об этом?

– Вот сам и предположи, хотел бы ты быть с Мартой?

– Не актуально. У меня и так все хорошо. От добра добра не ищут. А вот тебе стоит призадуматься...

– Ну, хорошо, постараюсь ответить максимально честно. Я, может быть, странный человек, но в женщинах неплохо разбираюсь, и для меня очень часто решающее значение имеют какие-то с виду незначительные нюансы. Вот сейчас я абстрагируюсь от конкретной ситуации, представляю себе, делаю пассы руками, и го-во-рю тебе абсолютно откровенно: на Марте – (делает паузу) – я никогда бы не женился. Все хорошо, умница, с характером, сильная, хорошенькая... Тысяча достоинств. И еще одно можно было бы наверняка найти, если покопаться. Чтобы были тысяча и одно... А что-то меня абсолютно не устроило бы.

– Да что же это? Заинтриговал...

– Талия у нее широкая...

– Совсем оборзел, талия широкая... Какая, блин, широкая, балбес? Живот плоский, подтянутый...

– А талия – ши-ро-кая, и еще кое-что, очень важное для личной жизни, не совсем так... Нет, на Марте я точно не женился бы. Никогда в жизни я с этим не смог бы примириться.

– Кое-что... Очень важное... Не совсем так... Ты, Стива, особенно-то не задавайся, мол, «мне такая, как Марта...»

– Этой проблемы вообще не существует. Обсуждаем, обсуждаем... неизвестно что, для эмоциональной, так сказать, разминки. И зачем только я дал втянуть себя в этот разговор? Ну ладно, пока, Боб, до встречи. Лариске привет.

Боб вешает трубку, направляется к прихожей. Из комнаты Макса выходит Миклухо-Маклай. Суетливо подбегает к Бобу, придерживает его за рукав. Говорит тихо, страстно и скороговорочкой, приблизив рот к уху Боба:

– Ты разговаривал сейчас по телефону. А Марта – в комнате Макса... Боб, она сняла трубку параллельного аппарата и слышала весь разговор!

– А, ерунда, Лео. Не бери в голову. Я со Стивой трепался, ничего особенного. О том, о сем. О Марте тоже говорили, мы ее очень хвалили, оба. Так что она не должна обидеться. Хотя...

Боб с Лео уходят.

Действие второе

Картина первая

Поздний вечер того же дня. Двухместное купе скорого поезда. Входят Макс и Марта. Макс заметно протрезвел. Он осматривает купе.

– Похоже, что ты одна в купе, Риточка. Ну что же, это неплохо. Никто мешать не будет. Снимай плащ. Так... Плащ на вешалку. Вот тебе шлепки, скинь туфельки. Погода ужасная... Давай я напихую газеты в туфли, пусть просохнут, наутро уже будут сухими. Переоденешься? Пока нет? Ну ладно, поставим чемодан под сиденье. Береги документы, деньги. Приедешь, устроишься – дай телеграмму. Ни о чем не беспокойся. За Маринкой прослежу, в доме все будет в порядке. Встречу, когда вернешься. Отдыхай, ни о чем не думай. Вот уже объявляют: «Провожających просим покинуть...» Сейчас ту-ту-у... Ну целую тебя...

Выходит. Поезд отправляется.

Картина вторая

То же купе через десять минут. За окном темно-синяя ночь, в купе чуть горит ночничок. Марта света не зажигает, сидит неподвижно в той же позе, что и раньше. Беспрерывно курит. В пепельнице – недокуренные, погашенные окурки. Входит мужчина в дорожной одежде, лица не разглядеть. В руке чемодан. За спиной рюкзак.

– Вот мы, наконец, и одни, Марта. Я приехал пораньше, показал билет проводнице, а сам – в тамбур. Дождался, пока поезд отойдет, и вот я здесь. Пришлось взять рюкзак. Ласты, маска с трубкой, лить для ныряния, подводный бокс для фотоаппарата. Ух, наныряюсь всласть! Мне сказали, где в Коктебеле отмель, на которой затонула греческая трирема, может, и галера, там, на дне – амфор видимо-невидимо.

Укладывает рюкзак на верхнюю полку. Переодевается, путь-то не короткий – мягкие тапки, темно-синие треники, фиолетовая футболка. Достает коньяк, батон за 13 копеек, масло, колбасу с чернильной надписью на шкурке: «Докторская», артикул, потом неясная надпись, заканчивающаяся «под управлением А.И. Микояна». Куда ж без Анастаса Ивановича? Аккуратно раскладывает на столе эти лучшие образцы советского продуктового ассортимента. Смотрит, ровно ли сложил. Удостоверившись, что все ровно, достает складной ножик, салфетки.

В купе заглядывает проводница:

– У вас все в порядке?

– Да, да, спасибо. Чай пока не надо, попозже. Перекусим, отметим отправление в теплые края. Коктебель, Коктебель, чудный край. Моя родина, моя любовь, край моей мечты. Райский уголок. Испортил немного настроение разговор с твоим мужем, ну никак я этого не ожидал. К сожалению, я, видимо, не сумел успокоить его в должной мере, не смог развеять его сомнения. Как ты думаешь, Лили?

– Лили – это что-то новенькое... Я всегда восхищалась тобой, Стива, – произнесла, наконец, Марта. – И на этот раз ты опять был великолепен. Что-что, а «дружить» ты умеешь, и с Максом, и со мной, и с Бобом, и к его Лариске под юбку пытался залезть, да не получилось. С Валей тоже «дружил» бы, будь она посимпатичней, и с Хачатуром, мужем Стеллы... Не юли, я все знаю, он – твой школьный друг, не разлей вода. Кстати, это я вчера Стелле звонила, вовсе не Хачатур, сказала, что ты намылился со мной в Крым.

Пауза.

– Ищешь, где обломится на дармовщинку, любитель полакомиться втихаря за чужим столом... Интересно, Стива, какое же еще укромное такое местечко, кроме талии, у меня настолько хуже, чем у всеобщей подстилки Стеллочки Пархатской? Насколько хуже, что ты с этим НИКОГДА В ЖИЗНИ не смог бы примириться...

Немая сцена. Стива хочет сказать: «Грубо, Марта, грубо и неинтеллигентно...», но слова застревают в горле. Откашливается, закуривает. «Им обоим нужен на самом деле хамоватый, нахрапистый мужик с деньгами. Одна уже нашла такого, другая – еще нет». Марта словно читает его мысли, она думает о том же.

Стива не допущен... Ни до разговора, ни до чего другого.

Картина третья

То же купе. Поезд прибывает в Крым. Крым на месте.

– Что притих, Стива? Дело сделано... Поздно пить боржоми. Бери чемодан, и свой тоже бери, пошли... Или забыл, зачем приехал, любовничек?

Картина четвертая

Марта одна в купе, спит, облокотившись на стол и положив голову на руки. Просыпается... Сколько сейчас времени? Час уже, как поезд в пути. Что это мне вдруг Стива приснился? Наверное, я к нему еще неровно дышу... Может, задело его высказывание обо мне? Или то, что он Стелку посещает? Что вспоминать об этом? – проскочили станцию, обратного хода нет. Просился, хотел и сейчас со мной поехать...

В двери появляется Хачатур.

– Выходил покурить. Нэ хотэл беспокоыть тебя, Марточка. Ты устала, день непростой выдался. Да и у меня тоже. Вначале – Стелла... Потом, по дороге к вокзалу встрэтыл Стиву, как бы случайно... Как же, случайно... Полчаса заговаривал ему зубы, водыл кругами, чтобы нэ догадался...

Картина пятая

Марта одна в купе. Хачатур опять вышел курить. Марта размышляет.

«Все считают меня неважной женщиной. Одни – распушенной, другие – корыстной. А что я должна делать, как я должна поступить?»

С Максом мы поженились, нам было по 19. Я ни в чем не разбиралась. Что он за мужчина? Всю жизнь сопли ему подтирать? Он хороший, но не мужик. Мне не нужен подкаблучник.

Стива – умный, тонкий, образованный, ироничный. Но он – центр Вселенной. Только о себе думает. Даже во время близости. Таблетки не принимай, это вредно. Что принимай, что не принимай – все равно доверия нет. Презерватив – это ему не надо, он, блин, удовольствия не получает. А вот выплеснуть мне на ягодицы – это пожалуйста. Получила я свое, не получила – это его не интересуется. Иди, подмывайся, по спине течет, а еще думай, чтобы туда не попало.

А Хачатур... Зверь и только. Он считает себя лучше всех. А ему только бы сильнее да быстрее. Ничего в любви не понимает. Вряд ли я захочу еще быть с ним. А поездку пусть оплачивает. Сам вызвался. Пусть и почитает за счастье провести со мной несколько дней.

Никто из них ничего не может дать женщине. Себе, только себе. Не только в смысле близости. Вообще, по жизни. И в смысле близости тоже. Кажется, один только Боб меня ценит и понимает. Он – сильный, умный, ответственный. Да еще и красавец какой! Жаль, что на меня ноль внимания. Не по зубам он мне. Да и Лариске, наверное, тоже. Что мне-то делать? Ну, ничего. Я своего Боба еще дождусь. А пока я и так неплохо живу. Пока мне и со Стеллой неплохо».

Занавес

Ольга Дмитриева

Родилась 12 декабря 1974 года, живет в Москве. Замужем, воспитывает двоих сыновей. Закончила МГЮА им. Кутафина. Впоследствии вступила в Адвокатскую палату города Москвы. В течение 11 лет была управляющим партнером адвокатского бюро.

Рождение сына изменило ее жизненные цели и ценности. В 2012 году Ольга оставила адвокатуру, сейчас занимается семьей и детьми, много путешествует. Литература, описание интересных сюжетов всегда были ее хобби. Узкий круг читателей высоко оценивал ее литературные способности и с нетерпением ждал нового эссе.

В 2013 году Ольга решила написать несколько юмористических рассказов и издать сборник.

Крепкое поколение рассказ-эссе

Утро началось с не самого приятного открытия: на Кутузовском запретили парковку. Совсем. Теперь от моста до Триумфальной арки нигде нельзя останавливаться ни справа, ни слева. Вообще-то там и раньше не особо разрешалось стоять, но хоть не эвакуировали через три с половиной секунды, как сейчас. У нарушителя в запасе было хотя бы минут сорок. А больше мне сегодня и не нужно.

«Спецтрасса, и без того оборудованная для «специальных людей», стала совсем неудобной для всех, у кого нет мигалки. Хорошо еще, не все местные жители отгородились от временных гостей шлагбаумами и воротами, но недолго осталось», – размышляла я, широким шагом проходя через тихий чистенький двор сталинского дома, в дальнем углу которого мне удалось-таки приткнуться машину. Я приехала чуть раньше назначенной встречи, и было даже приятно немного пройтись в этот солнечный майский день.

– А-яй! – пискнуло нечто, больно врежаясь мне в бедро и чуть не сбив с ног. Раздался треск разрываемой ткани, как будто кто-то попытался сорвать с меня брюки.

Вздрогнув от неожиданности, я остановилась и посмотрела вниз. Передо мной стоял белобрысый малыш и испуганно тарасил на меня голубые глазенки с неестественно длинными черными ресницами. Ресницы часто хлопали – столкновение было явно незапланированным. В ногах у меня валялся перевернутый самокат, о который я чуть не споткнулась. Аккуратно отцепив маленькую ручонку от моей штанины, которую парень только что использовал как страховочный трос, я смогла оценить объем ущерба.

Начинался явно не лучший день в моей жизни. «Молния» брюк разошлась, ее зубчики расплелись в подобие пружинки, на которой покачивался замок; карман повис, вырванный из бокового шва. «Слава богу, хоть не «с мясом», – попыталась я себя успокоить. Сам шов, кстати, тоже не выдержал, образуя прореху, в которую без труда помещалась ладонь.

– Я как энГли бёЛд! – пояснил розовощекий террорист. – Взял и влетел!

– «Энгри» сейчас я, – процедила я сквозь зубы. – Лучше отойди отсюда, – позаботилась я о безопасности ребенка.

– Мишенька!! – гаркнули мне в ухо.

К нам подскочила крепко сбитая женщина далеко за пятьдесят, в обтягивающей футболке с ярким рисунком, такая же светловолосая и розовощекая, как и малыш. Да откуда они все появляются-то? Я огляделась, никакой другой дорожки, кроме той, по которой я шла, не было. Справа только поросший одуванчиками пригорок, кстати, довольно крутой, а наверху детская площадка. Неужели с площадки скатываются? Тогда мне еще повезло, что стою на ногах...

Тетенька взволнованно ощупывала свое чадо.

– Мишенька, ты не ударился? Не упал?

Она осеклась, увидев мое каменное выражение лица наемника перед выстрелом.

– Ой, ты что же, порвал девушке брюки? – наигранно начала она пенять Мишеньке, полностью успокоившись: у ребенка нет ни царапины. – Вот тоже, одежду делают, не дотронулись! Чуть что, сразу рвется, – попыталась она перевести стрелки на дизайнеров Брунелло Кучинелли, которые, по ее мнению, не предусмотрели самого важного: по-настоящему хорошая одежда должна выдерживать вес трехлетнего пацана, родители которого не экономят на еде! Иначе за что же деньги платить?

– Как энГли бёЛд! – еще раз обозначил Мишенька свою миссию.

Я постаралась вдохнуть поглубже и сосчитать до десяти. «Удовольствие представить Мишеньку с его бабушкой снарядами в игре «Энгри Бёрде» я доставлю себе позже, – подумала я. – А сейчас надо срочно что-то делать». В голове носилось множество мыслей, одна другой негативнее.

У меня через полчаса встреча с очень важным чиновником. Явиться в драной одежде – нонсенс. Переодеться нет времени, а опаздывать нельзя. Хотя... он и сам опоздает, никогда не приходит вовремя, но и не задерживается больше чем на пятнадцать минут. Отменить? Нет, это глупейшая идея, ведь пять минут назад я отправила смс, что подъезжаю, а за сутки до этого просила его о немедленной встрече. Человека, который с сегодняшнего дня в отпуске. Понятно, что все мои просьбы, которые, к слову, входят в его повседневные служебные обязанности, выполняются за отдельный гонорар (будем его так именовать). Но гонорар – не решающий фактор. Этим людям деньги несут всегда, и в рабочее время. Поэтому обсуждать дела в праздники, отпуска и выходные – большое с его стороны одолжение. Если отменю, повторной аудиенции может и не случиться. Что же делать, имея в запасе полчаса? Что?!

По-своему расценив мое тоскливое молчание, женщина решила действовать. Порывшись в сумке, она извлекла оттуда огромную английскую булавку, украшенную синим оком «от сглаза». Видели, наверное, такой круглый, яркий, аляповатый глаз – любимый нашими туристами сувенир из Турции.

– Вот! Слава богу, с собой было! – она живо начала пихать мне в руки булавку.

– И куда мне это?

– Так вы «молнию» заколите, а сбоку шов блузочкой закроете. И, если будете идти слегка наклонившись, то и не видно ничего! Никто даже внимания не обратит! – полностью довольная собой, заулыбалась любительница ярких маек-бандаж.

– То есть, вы считаете, что человек, скрюченный на правую сторону, как при застарелом люмбаго, да еще и с огромным синим глазом на причинном месте выглядит настолько банально, что его никто не заметит? Даже не взглянет в его сторону! Практически идеальный агент наружного наблюдения... – раскипятилась я.

Ее безоблачное настроение вводило меня в бешенство.

– Ну что вы так сердитесь, – тетенька с сожалением посмотрела на свой аксессуар и запахнула его обратно в сумку. – Ничего же страшного не произошло. «Молнию» можно поменять, карман – зашить, – рассудила она и отвернулась, высматривая Мишеньку, который носился по двору в поисках новой жертвы.

«Я ее сейчас убью», – оценила я свое внутреннее состояние. Неужели эту женщину не научила ни жизнь, ни родители, что только пострадавший имеет право подвести итог: «ничего страшного», «все хорошо», «все исправим, будет лучше прежнего», а задача виновника – проявлять участие и сопереживать. И чем активнее он будет сокрушаться, тем быстрее он услышит от пострадавшего: «Ерунда, забудь». И не надо быть дипломированным психологом, чтобы уяснить это простое правило. Всё очень просто. Прищемил ему палец дверью? Кидайся вызывать «скорую»! И ни у кого язык не повернется назвать тебя мудаком. Наоборот, оставшимися девятью он будет отнимать телефон и успокаивать такого душевного, пусть и немного неуклюжего тебя. Но перебарщивать, конечно, тоже не стоит. Помню, как, невольно следуя этому правилу, я отпустила бесспорного виновника моей первой в жизни аварии. Не смогла вынести его переживаний.

Было это много лет назад, но человек настолько меня впечатлил, что забыть этот случай вряд ли удастся. Помню, как из сильно подержанных «Жигулей» вышел сорокалетний дядька с таким же, как и «Жигули», не по годам «подержанным» лицом. С первого же взгляда стало понятно, что его пренебрежение дорожной разметкой стоило фары моей новенькой БМВ. Я позвонила в дилерский центр и без лишних слов сразу передала дядечке трубку. Выяснив приблизительную стоимость ремонта, он сильно расстроился. Постоял, подумал – и вдруг как зарывает! Его манера переживать привела в тихий ужас меня и собравшихся вокруг зевак. Рыдал дядя с размахом: долго, трубно и надрывно, как младенец, страдающий метеоризмом. Он широко разевал рот, в котором отсутствовало добрых две трети зубов, размазывал по лицу настоящие слезы, и с воплем: «Землю жрать буду! Простите Христа ради!» кидался на газон, рвал траву, лютики и колючки. Все собранное дядечка старательно запихивал в рот и быстро-быстро пережевывал, восхищая собравшихся работоспособностью своего скудного инструментария. Народ прибывал. Уже ни один прохожий не захотел просто так пройти мимо. Конечно, где еще такое шоу увидишь? И что характерно – все как один сочувствовали ему, а меня призывали к гуманности.

Справившись с приступом оцепенения и не дожидаясь, пока общественность потребует от меня купить бедолаге новый авто или хотя бы просто дать побольше денег (всё к тому шло), я прыгнула в машину и ударила по газам.

Такое театральное раскаяние – это, конечно, сильный перебор. Тем не менее, против фактов не попрешь: машину я чинила за свой счет. Так что схема вполне рабочая...

...Из воспоминаний меня вернула мысль, которая уже минуту пыталась пробиться сквозь мой пессимизм. Зашить! Как же мне это сразу не пришло в голову?

В юности я прожила много лет в этом районе и сейчас вспомнила, что в двух шагах, на первом этаже соседнего дома, находится старое-старое ателье, ведущее свою историю еще со времен постройки этих домов. Туда я и побежала искать спасение.

Бывшее ведомственное предприятие, раньше оно обслуживало исключительно узкий круг номенклатурных работников, их жен и детей. Сейчас перешли на коммерческую основу, но кое-кто из «того самого» персонала еще остался. Работали очень качественно и, по старой привычке, проявляли высшую степень учтивости к посетителям.

Надеясь, что за последние годы они не закрылись и не набрали на работу гастарбайтеров, я побежала умолять их о срочной услуге.

В ателье ничего не изменилось: те же высоченные потолки с лепниной, пыльная хрустальная люстра в холле и огромные окна. На низких деревянных столиках – потрепанные журналы мод. Оказывается, их еще издают.

За кассой все та же, теперь уже совсем пожилая женщина. Длинные, крашенные в жгучий черный цвет волосы собраны в замысловатую вечернюю укладку. На лице излишне яркий для ее возраста макияж, руки – с безупречным маникюром. А по большому количеству золотых украшений старого советского дизайна видно, что работа ее в те времена оплачивалась неплохо.

В креслах у окна сидели несколько чистеньких, со вкусом одетых бабушек. Их, кстати, и раньше часто можно было там обнаружить в количестве не меньше трех человек. Всегда очень ухоженные, с прямой осанкой, они заходили, перебирали образцы тканей, ассортимент которых не менялся годами, перекладывали одни и те же журналы и рассаживались в кресла. Это жительницы соседних домов. Настоящие старожилы, они сами или их родители получили свои квартиры еще в пятидесятые, по распределению, с количеством комнат согласно статусу. Они знали друг друга с юности и старались почаще видаться. Какая нужда тянула их заходить в ателье по пять раз в неделю – непонятно. Вряд ли они так интенсивно обновляли свой гардероб...

Посулив тройные чаевые, я усадила портниху за работу, а сама, облачившись в импровизированное парео из какой-то безнадежно неустаревавшей ткани, приготовилась ждать.

Холл ателье небольшой, и даже негромкий разговор старушек был слышен отчетливо. Сначала они неторопливо обсуждали поведение своих внуков и точки продажи качественного репчатого лука, потом разговор перешел на ценообразование прочих товаров, а дальше – я не поверила своим ушам!

– Я так нервничаю, сил нет! – пожаловалась статная старушка с седыми кудрями, тонированными в нежно-фиолетовый оттенок, – Слышали, на Филипповском кладбище-то места освободились! – разъяснила она причину своих переживаний.

Кровь застыла у меня в жилах. Как? Как места на кладбище могут «освободиться»? Кто-то из покойников переехал, улучшив свои жилищные условия? Прочие объяснения, которые пришли в голову, казались еще более жуткими. «Наверное, у бабушки дача недалеко от кладбища, это же с ума можно сойти», – мне вспомнилась сцена из известного триллера, где главные герои с утра находят раскопанные могилы и следы, ведущие в лес. Я перестала дышать и обратилась в слух.

– Вот директор и решил побыстрее их продать тем, кто успеет, – сообщила женщина. Она положила в рот леденец и мимикой добавила восклицательный знак к сказанному.

Надо же, какой предприимчивый и хладнокровный директор! Я бы на его месте не рискнула так легкомысленно пользоваться моментом. А ну как вояжеры захотят вернуться, а «парковочные места» уже проданы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.